

Полноты Вишнёво-Лантухоцеленекладьевых Хавил

Шесть материков есть в Море,
В западнейшем:
Володяне, Присны Дети,
Мирский Людов, Вечный Город:
И народы были славны,
Были мудры де, да слабы:
Присны были... есть священны;
Вечный город, став отдельным,
Вородился градостроем; и от Людов
Стали знанья пространятся
Зычным гулом.
Стали горды, стали страхом
Во стенах сщищать всё тело,
И во замках востроили
Мирских Людов Трусов Город.
Володяне были войны:
Трижды павши, те отстали,
Присны Дети, спомогавшись,
Веру, тело передали,
И теперь же Володяне
Есть подвижники, аскеты.
В Высших Землях есть те люди,
Что во третьих коленах
Пережили "Спазмы сердец"
И пристали во облаках...
Антиподы, Аримаспы,
Большеротые дикарки
И пигмеи, те убийцы...
В Низших, там же, где есть Север,
Очень... очень страшно там, и вечно
Сполагаются-де мирья:
Смерти; жизни будут, ести станут.
В Средних Землях: Колоссяне,

Люди Сварковер и Гожди,
И последние, с Коринфа...
Собирали воинов, "обжиг
Тел", смердящих мраком
Пепла, обретал всё боле силы.
"Обжиг..." есть же ежегодный,
И во том... во том все войны
Бьются в жаркой страшной бездне:
Яме "Глидны", что остроил
Во огневшейся всей кладке
Тот народ, что бывшим местом
Полагался здесь, и ноне
Есть те люди Присны Дети.
"Глидна" стала страшным местом:
Во костях теснился пол-де,
И глубины этой ямы
Ополнялись только в битве:
Километров колодец
Есть та "Глидна", и поныне
Лишь однажды эту "Глидну"
Очищали силой внешней.
Оставшиеся два материка пусты: шесть народов их полностью
уничтожили гиганты.

Цмерден был великим войном:
Дважды павши, оживал он,
И в семье своей несчастной
Десять лет до врат взбирался.
И врата есть место силы,
Где все войны остелили
Должных битв уразуменье,
И в отвесной же скале он
Жил, питался, спал и ел-де,
И пристало двадцать лет тем:
До сражения был месяц; Цмерден
Накормился сильно, в пору,

И убийством расплодился:
В жизнь свою он видел только
Смерть, убийства да разгулы:
В десять лет взбирания скал тех
Цмерден сильно втяжелел.
Цмерден весил полутонну,
Ел людей и пил моря:
Роста Цмерден был великим,
Да однажды, да царя
Упросили, чтобы пали
Ручья, ноги те его,
И колдун несчастный, злобный
Упророчил то дитё:
И дитя имело имя:
Имя Влас, и жизнь его
Протекала в сытом гладе:
Ела мать, а он — не ел.
Сголодавшееся дитя
Деситьлетних лет его
Маг приставил ко спасенью,
И тогда же умер маг.
Царь не знал, чем он поможет,
Да и был ребёнок слаб.
"Если он умрёт, то схожа
Участь наша, да... всего..."
Убивал тогда же Цмерден
Сотни войск, и оттого
Сам Коринф и перестался:
"Обжиг тел" был отменён.
И оттех пред Цмердном Влас был,
И смеялся зла оплот:
Говорил, что очень вкусно
Станет в тех же молодых.
Цмерден взял гигантский камень
И откинул в города.

Увернувшись, этот парень:
Мальчик совершенный, есть,
Надавил на палец ножий
И сломал его овесь:
Цмерден вплакал, и оттожде
Влас ударил в глаз его:
Цмерден плакал, и вонзился
Корень ногтя тоего
В шёлках шеи смелы вены,
И сошли тогда его
Руды, жиры масляные:
Цмерден пал, и оттого
Весь народ Коринфа прежний
Оклестал его деньгой:
Шли те люди в толпах бледных
И хвалили тоего:
Шли те столь усердно, сверпо,
Что упал во яму Влас.
Вещь была, что никакие
Средства в том не помогли:
Слишком глубока та яма,
И о Власе след простыл.
И тогда... Коринф сменяли,
И преступников того
В "Глидну" помещали срово,
Умирали же... перо...
И: когда Коринф вернули,
Снова войны начались:
Люди стались всё смелее,
И, во "Глиндну"... обратясь...
Все народы бедны знали,
Что в дыре тогда повис
Славный дух героя Власа,
Да оплакивали же...
И отправили всех войнов,

И тогда колодец тот:
Починили, стало можно
Поднимать людей с пустот:
Оказалось, что тот Влас же
Двадцать лет стоял оздесь:
Камень ел он, благочинно
Отпускал убийцам смерть.
Победив всех глав Коринфа:
Власть там силой пределась:
Влас озрел главой народа,
И повёл его: в Восток.

Гиганты безобразны и жестоки: когда сталкиваются они с живым, ничто не остаётся подле мест развлечений и Ужасов их, и в тот пепел Ужаса, где четыре гиганта погубили шесть народов, случайно, от совершенного незнания, повёл Коринфян Влас.

Влас силён был духом; телом;
Влас был крепок и умел,
И любая трудность Власу
Стала б с лёгкостью...

Пережив ужасы, с которыми он столкнулся в своём прошлом, Влас произвольно ополнял каждое мгновение воссеревшего гамом тупой, скребущей во настеночностях неедких вовершений случайно попадающихся подле непористостями наречевевшихся окращённостями уныниевых тоих отупений уплотий камней боли существования своего тяжёлым, нависающим дрожащим, сокращающимся во маслянистой вонючей, облёскивающейся частыми пиохевными оростами пухлых, овисающих со наслоившихся бледными чешуями шрамов кист подвешенности на колючих самую изрядностью самоевых крючковатостей, сходящихся во оплескаемые стопами назреющего во его слабые телесные причинания хладною белёсостию рва настояний могильных гнианий ужаса мяса его рябыми рыбьими червивыми иглами смерти цепях своей трупом страхом. Волоснившийся окоченениями остаростных невособляющихся кажений Цмерден ко моменту битвы их уже изрядно ожирел, неизлечимою близостию представления своего оскорого заболел и сильно ослаб, и любой ко тому моменту мог сокрушить его и безо лишних утружаний, если бы одно попытался: Цмерден же, гигантский человеческому сравнению людоед, также еле выживший во долгих мучительных поисках пищи, оставляющейся чаще неедняковыми травами, в горах, так и продолжал мечтать о становлении героем в Коринфе, хотя Коринф этот он сам и погубил самую безобразною и жестокою восмотренностию накраённых, вопотребившихся

самоостанностию отне прочних гурдяний останостей парализующих остронние допущания ко тому ещё во позволяниях условностей тех приступов человечностей; воспалившаяся после бесчисленных безжалостных, наконец орозовевших собственной бестелесною скукой убийств воинская честность и стала гибелью Цмердена: он легко мог убить мальчика, да не хотел пользоваться размерами своими, содеяв не реализовавшийся и во подобном отдалении сосудов освоих опор на сражение ловкостью, которое Влас довольно успешно вонзившеюся во хрупкие болезни убийцы удачей нервической дрожьевой храбрости победил: Цмерден хотел одне умереть во честной славе, да ребёнок испуганною надрывностию насекомообразных следяний немот особственных разодрал ему горло и повалил грязный, вонючий ещё одле действительностей жизни своей труп гнить под шагами толп, как повалил бы при возможности прежней свинью: возбуждённая победой толпа стащила ребёнка в гигантскую яму, в которой Влас не разбился только благодаря едва случившемуся и тоюотдалённостию реализации своей во некажаниях востившихся отем самыми одолженными же чорнениями овешаний не безо упорственных оклоняний кореальностям выдающихся сил и способлений о том случаний сцеплению во время падения со стенами "Глинды": падая, он притолкался к ней и стёр до мясного, едва одержающегося ещё во том огрозаниями наследований тряпья себе пятку, три пальца и ухо, во падении же самом Влас заработал множественные переломы и открытых оболочек и толка и, что стало наиболее проблематичным, множественные компрессионные переломы позвоночника: во и без того слабом голодном обескровленном детском теле уже холодела жизнь, да вместе с ним попадали также люди, которым не оvezло пристать ко стене и не сорваться снова ко окончательно уже оздающему свершания дрог отех душ центру ямы: первые два месяца он плесневеющими краснениями смотрящих тяжеловесною бедственной невозможностию ородиться пял ел четырёх огрызанных, огревшихся и ко падениям своим скорее маслянистыми нелёгкими кусками язвенной, возрастающей во овсе стороны острельностями соломавшихся проволочною огрядностию мсора костей вони людей, во болезненном безумии темноты обгладывая олго скользящие во наследованиях отех шафрановых созорностях каппиляров хрящи, которые он не видел; Влас проклинал того колдуна, человека, наставившего это ко нему единственности бессмысленной, должной одно для продолжения осмертных лечений своих при дворе блажи, и только ненависть двигала им всё это время: массивная мощная, состояющаяся воадаптированностию своею во каждых кошмарах бытий отех ненависть, что невозможно уже было изъять, оставив Власа во том же единстве, во котором он находился прежде. Несмотря на условия и прежние положения, едва озволяющие человеку выжить и во самых удачных из легендарных редкостями существ совпадений тех положений, ненависть Власа поглощала плоть и Дух, и силою ненависти он залечил на себе смертельные, прежде

должные оставить его еле способным ходить инвалидом раны, неостижимых интенсиями начვენаний освоих голод и зеленоватость соместевшей граничности белений тех кожи, которую он не видел и не знал. Встретив спустившихся для битв войнов в уже зрелом возрасте, он преставил их и самостоятельно забрался по колодцу: по нему же стали спускать великое число появившихся за годы благополучия воинов, и всех он преставил, сокинув или одрав самовозначенностями ононешнестий существ Того глотку: роняя их, он представлял, как на ещё еле живые тела падают трупы, убивая оставшихся озорами ослышаний своих несмечённостей мест во теле; самого же Власа так ударяло со шестьдесят раз, и каждый раз кости Власа срастались: он был движим ненавистью, и ненависть его была тем ещё страшнее, что, вогрузив яму во впервые таковую за Все Времена наполненность, он узнал, что колдунов в Коринфе более нет, и оттого во безумии нераскаянности он пошёл туда, где, как он думал, есть место наиболее колдунское из неколдунского. Древа срастались с небесами, а мосты впитывали моря: грохот шагов Власа опалял прежде вофиолетовевшуюся отравленностью мест этих язвою ещё оставшейся дымами болотных, следовавших за Власом еле заметными шлейфами учиняющихся на руках имеющих во обыкновении своём особенно толстые роговые, становящиеся во делах их ранее тканиями али орудиями покровы коринфян растений туманов смерти траву, однако: однако то было до тех пор, пока Влас не повёл коринфян к смерти, и даже туман не прокажал их довольно, хотя оболочки горизонтов вочинялись движениями, и человек переставал быть человеком: туман не мог перемещаться одле воды, однако Влас мог, и Влас же орудовал верою коринфян. Влас ничего не говорил: во власти своей он только преставлял и становил людей: когда коринфяне должны были переплыть к Первому Восточному матеруку, Влас одно вошёл безмолвиями настигнувшей знанием своим всех следовавших холодными отупевшими чернениями обезображенного пиохевными кистами нарывов самоих жизней же ужаса смерти в воду и поплыл: плыл он месяц, и так Влас погубил три четверти своего народа, что также поплыл за ним. Настигнув материк, Влас впервые за время похода этого заснул: солнце раскаивалось гридеперливостями встающихся предупреждениями гигантов Ужаса пней, однако лягушки, имеющие кроличьи главы и пёсьи органы, были неизменностями протяжных стонов, и стоны эти приближали гибель народа: Влас уже не был ни человеком, ни чудовищем: Влас стал ненавистью, и ненависть эта не имела более направления: Влас стал воплощением Ужаса, да...

Свершив поход, страх Власа стал столь сильным, что изменилось само его существо, и Влас, одиночно оплыв до Коринфа за два дня, стал самым славным и умным человеком: так ужас пременил его, что удар пришёлся по настоящему в нём, и так плотно он содержал в себе ужасное, что Ужасное пременилось в той падучести сокрушения положительным.

Итак, первый сон власа кодился сперва обыкновенно: глаза его не смыкались, и в чёрной темноте краснеющие глаза осыпали рыхлоты фантазии сна: лицо его было страшным.

Ветер Первого Восточного материка сизинами оперламутроевшихся-де крапин пота глав их обходил долгие тяжёлые спальни возоложившихся ко сухим, еле облёскивающим во светах омирений тех крапивы кровяных слиянных тел онноевых долгопротяжённых, свившихся несомыкающимися очуждностями во действительностях кажений оводноевых, преливающихся награвлянностями спестревеющихся главениями уставленных ко одействительностям начтевшихся довольностями чутьне наставляющихся оправаниями разнородянноостей синевеющихся ко пузырям обуханий бессонных ожделений воместных дел шумом превелений проволок решений полняний глазами мест пескам коринфян: тугие жирные, окрасневшиеся опрежде длинными, преочиняющимися ко довольностям уставлевившихся обновлённостями сочитевшихся должностями постелевшихся вомещанностями блотных журфикмеевых огравений обличанноостей крадений нитями рубцы Власа преходили оплотившеюся воплотню кожей, и тело его было открыто надрывающимися, слоящими онутряные кровотоечения о нём ото кажемостей управленных способленностями коснеющегося выирания краснений волдырями, и чернела кожа округ глаз его, и белые лица его в ночной плене ударяющих трупами уже случившихся и будущих мучительных ужасных смертей солнц осветали крапинами улыбаний отех звёзд: звёзды ставили смерть происходящему, и происходящее же...

Проснувшись ото явившихся опервые солнц отех, Влас охрустел скажёнными долгими неизлечимыми трещинами во остановленностях своих костями своими и пошёл: Влас ни разу не обращался ко народу своему, да народ завопил во предупреждениях, и народ просыпался: народ шёл, после ставши стоящимся на хрупкостях дробящихся и стирающихся гладами и твёрдостями земель костей их бегом, ибо Влас также бежал: содревшиеся твёрдостью песков обуви их уже давно сточились худотами ног их, и кровавые следы ещё оставшихся у немногочисленно оставшихся во здравии единиц стоп их возглавили хождение ко Востоку. Влас не знал решительно ничего, да ненависть в нём возжелала убийств и смерти, и ненависть эта одвигала народ, хотя народ о ней и не знал.

Белые ветви коринфян бежали по безвоздушному несменному, чуть сизоватому естествами причинаний ко тому жирных, имеющих человеческие руки и ноги во крупных круглых пастях людоедских хвостов своих червей, сжирающих часть ставшихся уже совершенною недвижностью коринфян во тоих-де слабостях, песку, и пески те были нескончаемы, и мелкие, возвращённые на отаптываниях наставшейся златистою, проявляющею вобравшиеся округлостями внутреоставений кроны сребрянностью крови ростки великих

жизней тех со духов опотели кровяною влагою предстоящих сил, и не испытывали они ничего, да за тем...

Синий Гигант был слабейшим из гигантов, и не мог он погубить прежде ни один из народов: тело его составлялось высотой во сто двенадцать метров, и тело было сходне человеческому по формам своим за теми только исключениями, что не было органа у него, что лицо его оседалось выше окновенного, и глаза его: ясно неправдоподобные, сходящиеся со ртом одно во геометрической двумерной опрощённости чёрных безочувственных, кражеющихся воместностями озаний тех пятен. Гигант спал подо песками, и кровь просочилась к нему, и шевеления червеподобных сощекотали кожи его, и влага жертв тех разбудила гиганта, и Синий Гигант встал.

Когда встал гигант, главные войны Коринфа оспарились ужасами причиневшихся колоссальностями разорвавших одною силою своею большую часть из них полётов во высоты роста гиганта, и тогда упали они и были умерщвлены, если не умертвились во полёте: Влас также упал, да не умер он, а сломал себе атлант, и оттого стонал он во страшной боли и ужасе, и видел Влас всё, что было дальше.

Когда Синий Гигант окончательно встал, открыл он рот свой великий, прозванных Бездною Света великими прежде парфюмерами, что видели ещё его и имели кротость скрыться, и ни звука ото того не снизошло, ибо оторвал Синему Гиганту глотку Белый Гигант за слабость, и глотка та была наречена Горою Пищи Гусени, ибо выделяла груды хрящей тоих спасительные силы, ото которых единый червь пустыни этой, Жегон, распался на множество сегментов, и хождениями своими Синий Гигант продолжал крошить существ этих, и существа эти обрели разум и конечности: свершившись своим безмолвным громом, Синий Гигант расправил руки свои, что издавали ветра ужасные, и подпрыгнуло создание это, и гром ото приземления его сотряс дюны овсе и оздал невероятными звуками раскаты будевеющихся некротостями сочевевшихся леденениями первоначал отех восстаний воронок округ себя, куда и засосало народ Коринфа: когда же приземлился он, бесконечные ярды песчин выстрелили округ, и бахнувшими тяжестями те убили предпоследних: ближайших же пески растворили в том, и даже влаги ото тех не осталось; последних засосало в воронку, и Гигант начинал странные, неразборчивые неподобностями человеческим шевеления ногами своими, будто во гневах своих отне болезней нефоерений сих вочтений пляшет он, и колоссальное силой и размером своими тело это засосало пустыню о глубь земель, и исчезла пустыня, вобразовав кратер, изо которого лились после огни и боли человеческие. Синий Гигант сам погубил себя силой своею, и так оказался Влас у подножий вулкана того, и краснело небо улыбками ужаса, и погрузилась Земля в...

Влас стал щедр, здоров и добр, и был он предвестником Террора. Теперь приплыл он до Коринфа за два дня.

Возвратившись в Коринф, он рассказал коринфянам о произошедшем, и коринфяне решили, что оставшиеся три гиганта вернутся мстить, и в ужасах те жёны перерезали горла братьям своим, а мужья — сёстрам; из жителей Корина остался один Влас, и утопи Средние Земли во сальной ониксовой крови коринфян, и одно "Глидна" спасла людей земли Гожди: когда обратили волны крови Власа ко гождиянам, те срезали голову с него и повесили на скале: каждый час гождияне снова резали вставшие быстро головы его, да скоро каменные огни со Востока добрались до Коринфа, и смешавшиеся со кровью огни породили внепросветно чёрную густотой наготы человеческой массу, в которой топили люди и задыхался скот. Влас, превращённых ужасом в бессмертное существо, был освобождён, и ненавидевшие Власа гождияне пошли за ним: когда покинули люди Гожди земли свои, стали они расхищать попадающиеся земли подле: тогда дошли гождияне по наведениям Власа до Коллосян, что есть имя и честь земель и человек оземных, и тогда нарёк Влас Коллосян способностью соизвить гождиян, и убили Коллосяне гождиян, да не мог Влас преставить более, ибо существо его было сменено: тогда во равнины прочие повелись Коллосяне, ведомые Власом, ибо считали его пророком и боялись черноты, кою нарекли "Гибелью". Постепенно Средние Земли утопали в "Гибели", и "Гибель" та даже проникла во воды, отравив океаны и с тем моря и реки все: с момента этого люди пили одну дождевую воду, и воды этой не хватало.

Люди со земель Сварковера были особенно воинственны среди всех, кроме коринфян, и потому они начали войну с Коллосянами: Коллосяне не были готовы к войне, ибо не было еды и воды у них, и все они подо знаком Власа были вырублены во молитве, кою придумали сами. Так, сварковерцы выстроили гигантский, нелосневеющийся златистыми огранениями остолпничеовских, сомечующихся довольственностями смежаний отех кажаний столб, и узоры столба этого скатывали кровь Власа в сосуды. Влас, пронзённый и сосвежёванный сотнями вообразившихся спиральностями крупных, оглавывающих все орудия циклоповыми божествами титанов, отличных от гигантов, породивших во землях материальный, проявившийся во сменениях прежних Великий последований правил Мира Ужас, лиц копий и мечей, продолжал нескончаемые, одубевающие лица чёрных злат вопли свои, и охудившиеся хотне едко оказывающейся целостностью своею тела его сточали моря кровей его, и кровию этою обогатились сварковерцы, ибо осылали её ко остальным материкам за блага. Влас возненавидел всё обновы, да ненависть эта была уже гораздо тяжелее, и более мыслить он не мог, оставившись одно почтённою овистыми кажаниями вонючих мяс тех исходностию.

Сварковерцы скупили Вечный Город, и более государства такого не было: коренные сварковерцы держали во рабстве прежних вечноградовцев, и большая часть их утопила себя в "Гибели"; оставшаяся же часть строила невероятные овышания сварковерцам, которые помогали во продолжительных основаниях своих существовать о отдалении ото земли: так, люди стали жить в небесных городах, держащихся на титанических ступах, кои выстроили рабы. В Сварковере же произошло ставшееся неясностию и для самых преданных следователей того восстание за два года, и глава движения того, получив власть и ресурсы всего Сварковера, означил себя именем Сварковер, назвав остальных же всех существ своими рабами, и так Сварковер превратился во безымянную страну, где есть Сварковер Обманувший и строители: страна продолжала пить и есть кровь и плоть Власа, и уже много лет почти все существа земель употребляли во пищу только его.

Когда же распяли Власа, Присны Дети и Володяне уморили себя обезвоживанием, и народы эти пали. В западнейшем материке осталось лишь государство Мирский Людов: в Трусове Граде же они упоились кровию Власа, и ум их помог только огордыниться, и гордыня та погубила их, ибо переели все овсех во Трусове Граде, и чорез год после распятия Власа западнейший материк омертвел окончательно, ослоившись полностью "Гибелью": стены же Трусова Града помогали ещё год одержать то, да вскоре земли эти оплыли жирами смерти.

Очень невеликая числом часть народов Высших Земель сама остроила платформы свои, подобные платформам Сварковера, да оставшиеся погибли, ибо не могли взбираться: Антиподы, ногами своими полагающиеся одно во остранностях непособлений начтавшихся долгими пролежнями сал вособственных, пигмеи же сбегали во "Гибель", и решения того никто не понял; Аримаспы, прежде бывшие прообразами божеств силами своими и умами, единожды опробовав Власа, разучились ходить и стали убивать и есть друг друга.

Так, во всём мире были только Блеммии, случайно родившиеся от большеротых голодных дикарок, большеротые дикарки, коих почти полностью погубили их жадностию ко мясу Власа Блеммии, Сварковер, рабы, гиганты и чудовища Мразного Ужасного Севера, имеющие, если верить парфюмерам, размеры ещё большие, чем у гигантов и титанов, однако создания эти не имели души и ума и все были совершенно уникальны: уникальность эта и воспретила им объединение, ибо каждое существо слышало глазом и чуяло органом, и потому у каждого чудовища было своё Слово, которое невозможно было понять; сами же чудовища Севера блестели перламутровыми радугами и никогда ни на кого не нападали; два века во Севере жили исполины, во высоты свои дважды превышающие человеческие и имеющие широкие лица, избыточно крупные слепые глаза и салатовую или голубую пёструю кожу с жирными страшными порами, где прежде росли крылья: когда у этих существ начали вырастать хвосты Змиев, животы их лопнули, и более существ этих не было.

Чорез ещё год один Блеммии доубивали большеротых дикарок, и известными народами стали только рабы и Блеммии, во времени сменяющие лица со пуз своих оверх, подобно людям: желудки Блеммиев отравлялись из-за безобразности строений их, и потому многие умирали, хотя столькие же и рождались, ибо были они гермафродитами и вынашивали детёнышей один месяц: те же, кто вынашивался дольше, превращался после года жизни в крошечное горячее существо человеческой внешности: формы блеммиев эти все убивались самими же Блеммиями, и потому знали о них очень немногие, отчего им и не дали имя.

Блеммии не ели Власа, ибо научились управлять технологиями, и оттого воды были только надо землями Блеммиев; Сварковер же, не желавший пить, подобно рабам своим, кровь Власа, начал выстраивать Мост Войны ко безглавым, обретающим постепенно опухоли направляющегося коверху мозга народам, и Блеммии, находящиеся ниже, срубили колонны, держащие первые платформы рабов и Сварковера, и оттого погибли все рабы и Сварковер во плухнувшихся прокажаниям вростов сияющих пениями вечноорождений бессмертия цветов отне Сварковера Ужасах: Влас же, утопнув во "Гибели", наконец обрёл спокойствие.

Блеммии выстраивали всё более платформы свои, и чорез столетие оказалось, что все поверхность земель была остроена каменистыми искусственными плитами, и во том выросла оздесь земля, и вторыми слоями своими во небесах родилась снова Земля.

Жизнь Блеммиев была славна, и со происхождениями земель те обретали главы, и так прородились снова обыкновенные люди: блеммиев более не было, ибо были люди Блеммии: крошечные горячие люди более не рождались.

Мир вогрузился во спокойствие ещё на тысячелетие, пока не прозвучали невероятно громкие, содрогающие платформы все удары, и пробила Преисподняя землю новую, и вышел оттуда Гигант.

Гигант не имел имени, ибо был он Белым Гигантом, что пожрал Красного Гиганта, Зелёного Гиганта и всех чудовищ Севера.

Гигант не имел постоянного облика, и раскаты звенящего самоемы рождениями Ужаса гласа его оглушали видениями уродливых, всплывающих граничиями вообновлённоестных слюней смрадных закоптелых мелких, стянувшихся язвами глир глаз чудовищ.

Тухлая, огнившая Ужасами плоти смерть воцарилась в мире, и Гигант рушил платформы и ударами своими стегал града во ветрах горячих сотрясениями земель. Опаряющиеся водлинениями раскатов материков прежде радужные движения его восстанавливались-де отне вочерневших гулов гибели, и огни срывались небесами осторожаний, и моря сминались подле огравлённостей наставившихся ужасами породвиженностей белеющихся колений уставленных огновенностями безочисленностей размеров собственных во орождениях снов осквози седений оречённостей отех соверений углей рук оего, и сменялся

воздух гулом вздохов его, и иные шевеления того орывали тысячекилометровые шлейфы земель, и погружался весь мир во... и вопли кричащих кровиями освоенными во белениях перламутров останостей тоих людей порывали кишки их ярностями ужаса, и Гигант рвал мир, и рвал он теми-де гневаами, коими некогда Влас оставлял себя-де ко возможностям, и годом Гигант привёл земли во пепел, и так случилось о нём, и дымы тумана не давали проходить солнечным, пресневеющимса крапинами колючих одарений реальности лучам ко земле, и шипящий тишиною пепел ударял ко бесцветным пескам смерти, и Гигант сидел на развалине материка, и погрузился мир в...

Сколько... сколько времени я был здесь? Когда ещё воскресали люди, когда отменилось патриаршество во месте, где был я рождён, тогда... тогда уже я устал: тогда уже акедия моя была оказией бунта против Творца, однако... однако я знал: знал я, что Господа нет, и потому... потому во пантократовых язвах во мирре я, потому агасферовыми заточениями я был вомещён в место это, и потому я есть горнило: горнило, что не поняло: сильный должен стыдиться своей силы, поскольку сила его есть испытание гордыни; когда люди менялись, когда становились герои во безбожности своей, тогда... тогда я, человек имени прямого, сильнейший человек, Раскол-Иоанн Сильнейший, заточил себя убиением своим, и теперь есть я Раскол-Иоанн Сильнейший Миллениум. Всё время это отрицал я Ипостась сложную, ибо не могло... нет: сейчас: даже сейчас я решительно уверен: я знаю, что сила моя есть испытание, и знаю я: уверен я, что ужасы, во которых стались земли мои, не имеют тех...

Помещение, во котором я заточен, стоитса одним квадратным метром, и всё тысячелетие это нельзя было мне сесть или лечь: высоты помещение это ровно той же, что и я, и давно бы я сточил потолки эти касаниями своими, если бы потолки эти поддавались воле человеческой. Двухсантиметровая диаметрами горячими своими трубка, идущая отне потолка всегда ко поверхности... всегда, о есть действительно всегда, ибо за тысячелетие это навевалась пыль в трубу ту, настраивались оверх здания, менялись самые высоты поверхности, да труба всегда продолжалась, и труба давала мне дыхание: давала она соль земли, коим порождением я был, и... трубка эта испускала и испускает песчинки света: крупичицы доходящего до меня солнца, и крапины те первые века были даже сокрыты ото меня, пока не нарёк я каждый узор бетонных стен, потолка и пола именем, пока не содеял я совершенно: совершенно, в чём я уверен, всё, что можно было содеять. Пески лучей тех опаляли бледные, нарочито овязанные оздесь добротою Господа, одно наставляющие внимания мои во действительностях тоих неровности бетона, и тело моё: тело, что во деле не требовало ни питья, ни еды, ни дыхания, раскаялось. Когда произошло раскаяние, пал Гигант. Когда пал Гигант, порвался раздавшимся Грохотом Рождения хрустом рот мой девственностью обретшего спасение грешника. Когда прозвучал Грохот Рождения, бетонное

помещение, во котором я был заточён тысячелетие, открылось ртом моим, и востремился рождением язык мой к трубе и ото неё, и тогда с трубы возлились Новые Люди. И увидел Бог, что это хорошо.